

ОГЛАВЛЕНИЕ

I

Распад российского сознания (как бы предисловие)	1
---	---

II

Блондин обеего цвета (записки самого блондина)	
1. По-своему.....	12
2. Почтовая муза.....	13
3. Глупость.....	14
4. Проходящие мысли ума.....	15
5. Истории.....	16
6. Эпитафия могилы.....	17
7. Кушать.....	19
8. Никто не узнает.....	19
9. Трудности жизни.....	20
10. Мысли последнего раза.....	21
11. Цветная капуста фантастики.....	21
12. Пластинки.....	23
13. Это хочется.....	23
14. Владелец мужчины отказа.....	25
15. То же самое место.....	27
16. На этом свете, товарищ!.....	28
17. Человек незаметности.....	29
18. Тело и кисть.....	30
19. Безобразности.....	31
20. Причинив ему что-то.....	32
21. Дальнейшая жизнь.....	33
22. Просвет среди туч безобразия.....	33
23. Христианин.....	34

Послесловие
(написанное однако даже раньше всего) 36

Владимир Маразмзин

Б Л О Н Д И Н О Б Е Е Г О Ц В Е Т А

Взаимная повесть

“Душа отравляется через ухо...”
св. Франциск Сальский

Дорогие мои друзья!
Благодаря вам получил я этот август временного про-
света, который, по всей вероятности, скоро вновь за-
кроется обстоятельствами. Не знаю, делают ли когда-
нибудь люди вообще друг для друга то, что сделали вы
для меня, каждый по-своему, а если делают, то, значит,
Он есть, и это обязывает меня написать очень светлую
повесть—но мне теперь не суметь, получается больно,,
горько, даже зло. Простите мне это. —В.М.

“Все мы ищем отца,—сказал он,—
потому что потеряли мужество.”

Борис Вахтин

I

РАСПАД РОССИЙСКОГО СОЗНАНИЯ (КАК БЫ ПРЕДИСЛОВИЕ)

Записки этого несчастного попали ко мне почти случайно. Если женщина хочет вернуться, она использует все: приезжает в момент, когда вы меньше всего ее ждали; пользуется вашим смущением; углом обхватив вашу шею и утыкая стареющий нос в то место между подмышкой и шеей, где когда-то носили жилетку для плача, она старается гальванизировать в наджелудочной области ваши страдания, которые когда-то так искусно вдохновляла; она готова бежать, оскользаясь, за вашим трамваем... словом, она привезла их мне и оставила, как я ни силился вернуть эту папку обратно. С жалкой натугой иронии она предала мне его, как когда-то пыталась предать ему меня—вот уж чем я никогда не занимался, несмотря на неполную нравственность!

Да, вы правильно поймете; тот, кого он называет “большим человеком”—это я. Не буду притворяться исключительно скромным, я знаю цену себе как художнику, но—

большой человек? вряд ли. Лишь в его голове мог я вырасти до таких размеров. Возможно, причина тут в сходстве профессий, ибо он упорно считал себя тоже художником и даже раздаривал родственникам бедной моей жены какие-то стилизаторские картоны, свою долю вклада в дело их новой уродливой жизни. Боже мой! Необходимость время от времени кое-что подкрасить заставляет власти прикармливать с руки стадо декораторов—заметьте, слово не мое, он сам называет себя, в свойственном этим людям стиле: "декоратор любимой страны." Разрисовывать обклейки для мороженных брикетов, которые любой человек, едва глянув, отправляет в клозет; тиснуть плакат, оформить театральное действие, где, как сказал поэт, наша социалистическая добродетель побеждает на фоне современной мебели—вот их заботы, а также многие другие в этом роде, перечислять которые нужно набрать куда больше иронии, чем есть во всем моем организме (боюсь, что влияние стиля—их стиля—гораздо сильнее, чем можно подумать). Ирония впрочем, тоже их изобретенье. Ворую наши отходы (иначе им невозможно), они принуждены вырабатывать иронию по направлению к нам, и в этом есть даже смысл: в известном отношении это настенное, уличное, подзаборное творчество являет из себя блюдо более острое, нежели живопись. Художник делает вещи, столь же естественные, как сама природа. Если б, скажем, мой любимый Дуччо* не родился на свет, пришлось бы Природе (или как ее там) вложить ту же кисть в другую смертную руку, но нельзя представить человечество не увидевшим

* Автор имеет в виду, вероятно, Дуччо ди Буонинсенья (ок. 1250—1390), основателя сиенской школы живописи.
В. М.

к примеру, горы Арарат, смешанного русского леса с грибами и ягодой, кучевого облака в небе или золотого песчаного пляжа, усыпанного юными, умело раздетыми загоральщицами. Декоратор снимает с природы пенку, и ему нет нужды, что завтра она завянет, скукожится,— зато сегодня она смердит и манит. Это и подвигает их считать себя творцами; ну да бог с ними совсем, меня отвлекают привычные мысли.

Зная, что моя живопись близка литературе и всегда питалась ею, она хотела заинтересовать меня записками, умело высмеивая—мне в угоду—человека, с которым прожила пять последних лет. (Не называю его вовсе не из желания миновать в душе болезненное место: я никогда не мог упомянуть эти простые фамилии—ивановы, антоновы, смиты, шапиры—уж не фамилии, а знак отсутствия врожденной благодати; тем более в городе есть его тезка, хотя и незаметный, но уж зато вполне настоящий художник, и может возникнуть путаница.) Тогда я не стал их даже смотреть, но позже когда история совершенно закончилась (смертью), он прислал мне странную телеграмму, а при ней полный текст своих записок. Оказывается, у меня лежали только первые главки, да это и понятно: тогда сюжет еще не был исчерпан, он еще процветал. Потом я все же прочел их (удивило название), и острая жалость к автору охватила меня. Нет, он не прав в отношении женщины, он не разбивал мое сердце, сердце “бабника прохожей эротической музы” (цитата из него—но цитата, в сущности, верная), я сам расстался с ней и был чуть не рад обстоятельствам, пристроившим ее и снявшим мою заботу (для меня это, кроме всего, означало возможность перестать зарабатывать—куда уж лучше, столько сил освободилось для живописи). Не скрою, было время, я проливал нефигуральные слезы—что поделать, привык! да и любил ведь когда-то, как мало кому повезло любить в

жизни. Единственное, что привело меня тогда в недоумение и что в самом деле показалось обидным: эта странность замены! Никогда раньше я не смог бы представить себя замещенным этим существом в голубом костюме и в тусклых, немолодых волосах, закрывающих уши—фирменный признак их известного ордена, спаянного воедино "задним чувством" (как он выражается). Но это еще ничего, хуже другое: подумать только—моя жена вышла замуж за партийного члена! Вот уж поистине, как мало мы их знаем, держа за собой... Сама же она, нервная и болезненная, занятая лишь своей персоной, непрерывно изображающая Лолиту ("эдакую Лолиточку", как сама признавалась) — вряд ли это удачно к тридцати-то шести годам... Какую-то роль сыграли несогласия "во время нежной постели" (опять цитата, но ведь хорошо же сказано!) —то есть во время тех взаимно сложных действий, какие св. Франциск Сальский считал "долгом, уклоняться от которого можно лишь по взаимному соглашению"—прекрасная лексика святых, не говоря уже о смысле! Правда, теперь, к сожалению, знаю, почему она так упорно и односторонне уклонялась: редкая женщина выдержит год (а тем более дольше) непрерывную двойную атаку... но вообще, признаюсь честно, это единственное, что мог бы ей вполне простить, и сам ведь грешен... нас легко оторвать и бросить, но забыть нас не удастся... это песня, всего лишь песня... прощай, моя любимая, больше не свидимся... а талантлива была очень, но, оторванная с детства от всех основ... однако теперь, когда ее нет, не испытываю к ней ничего, кроме безграничной нежности.

А роман о Долли Гейз действительно появился в нашей истории куда как некстати—ну что бы великому американскому россиянину написать его на десяток лет позже! Ибо романы никогда никого ничему не научивают, зато сообщают аналогиям отвратительную догадку:

будто мы живем по заранее уготованной прописи, да к тому ж то и дело оскользаем с нее, словно осваивая начальное образование; получается сплошное безобразие клякс и потеков, ни одной человеческой фигуры... Нет, это совершенно точно: наша история всего лишь карикатура лолито-гумбертовской драмы. Даже убийство театрального деятеля является здесь—и тоже редуцированное до пары затрещин, повергнувших, правда, нашего героя в состояние непрерывного страха, от которого он поседел в один год настолько, что уже перестал быть объявленным в его названии блондином (название я сохраню, тем не менее). Серьезная разница лишь в ребенке; ребенка я более всего и любил, за него по-настоящему страдал—но что мне было делать тогда? и потом? и что мне делать сейчас? возможно, я даже не отклоню его сумасшедшее предложение: на что мы только ни идем ради того, что называем столь великолепно искусством... Все остальное более чем смехотворно. Ведь до чего у нас дошло—он предложил мне две тысячи отступного безумной телеграммой (кажется, даже помню: "унять пошатнувшееся творчество зпт уход любимой женщины поддержки зпт отчасти виноват но пожмем руку счастья..."). Надо бы обидеться, да? Швырнуть перевод ему в морду? Удивляйтесь, разводите руками, но я аккуратно превратил эту подлую бумажку с помощью почты в полновесные рыжие десятки, жалея лишь об одном: а почему только две? не четыре? пять? семь? Да, я принял эти, в сущности, не слишком большие рубли у человека, которого хорошо окупает государство, и это дало мне возможность написать две картины что с великим трудом миновали границу и висят сейчас у Гугенхайма; картины, надо сказать, из моих лучших.

Несколько комментариев для тех, кто живет по ту сторону занавеса—то есть в зрительном зале нашего замечательно железного мирового театра, как сказал один

не лишенный способностей писатель^{*}, в котором я особенно ценю острый юмор, у других любя его мало: у него есть новая система юмора, и последний являет себя инструментом познания, где познающий субъект включен в познаваемое целое, у большинства же юмор служит лишь для того, чтобы автору поставить себя над проблемой. Впрочем, и этот писатель, в конце концов, барахло, и он касается лишь частных, и он закопан по колени в наши общие экскременты (да еще, говорят, запил горькую), и вообще только живопись может объяснить этот мир... но если б когда-нибудь я озаботился изданием этой грустной истории, я просил бы именно его, никого другого, привести ее к правилам современной журналистики.

Так вот, обещанный комментарий. Этот странный, вывернутый язык, это разложение сознания, заметьте, в принципе интеллигентного, но которое уже не способно управляться при помощи логики, которое с упорством возвращается к двум-трем темам, к двум-трем мыслям, на которых стоит удивительно прочно: что это? Бред больной головы? Изыск стиля? Разговаривают ли у нас нынче именно так?... Разумеется, это литературное произведение—не в смысле предназначенности для наших толстых журналов, но в смысле выраженности того, что происходит внутри этого человека (иванов? антонов? гречко?—все время забываю и все время кажутся принадлежащими ему одновременно все эти фамилии). С этой точки зрения здесь есть простота, даже предельная обнаженность. Мы, в своих грамматических фразах, куда как хуже умеем себя выражать. При общем безумии содержания этой головы, нельзя не восхититься краткостью,

* Приходится признаться, что это мое выражение. *В.М.*

достижением сути всего в три какие-то слова, а то и меньше: "эпитафия могилы"--разве ж не ясно? разве надобно это удлинять--эпитафия, списанная мною (а ведь тут явно слышится личное участие) со старой могилы? Бессознательные его проговорки почти всегда полны содержания: "обеего цвета," например--этот неловко мелькнувший женской род, как мелькнувший подол возле дачи партийного вершителя, куда случайную гостью не пустят, затопчут, а значит, выдает образ жизни хозяина, к которому крадучись она пробирается, какая-нибудь сельская учительница пригородной школы--этот женский род сразу выдал в названии (он потом и не скрывает) некоторую двойственность персонажа, а верней, неоднозначность, то есть, я думаю, ясно (обеего--обеого--ведь не цвета же, пола). А чего стоят иные афоризмы! "Человек--это звучит горько..." Да если б мне не знать его столь хорошо, я предположил бы тут незаурядный ум, который так глубоко и так кратко заменил горьковское "гордо" (самонадеянное и человекобожеское), отразив к тому же мгновенно саму историю вопроса. И заметьте: он абсолютно серьезен, даже трагичен, он старается предельно открыть себя--но ведь он не смеется, не смешит. не паясничает перед нами, и хотя нам порою смешно, за этим смехом открывается запустение и мерзость панического страха, знакомого каждому соотечественнику, страха недвусмысленно погибнуть под звуки "безостановочного праздника веселое детство"--о, как явственно слышен он всегда и каждому, нашему герою тоже, "этот лучший госстрах, полный ужаса нашей эпохи" (цитаты).

Посмотрим в другую сторону--любовь, созидание? В сторону "можно," как он говорит. Эти жалкие, жадные касания к постороннему мужеству, в которых он признается! Эти настойчивые, запретные поиски... Не спешите отвернуться: явление. Его прибалтийские общения, куда более свободные, чем в нашей северной столице,--ведь они не устроили его раз и навсегда. Он не искал

простого хлеба сексуальных утех, хотя бы и несколько дерзких. Гордящаяся близостью санскриту (и приспособившая себя к режиму как к небольшому кухонному неудобству) провинция Европы ему не нужна, она не освободила его от тоски безотцовства, он ищет полноценной опоры, это некое alter, что блуждает в поисках его, чтоб соединиться в латинскую формулу, пытаюсь тем самым удержать себя возле культуры. Заметьте еще одно: пытаюсь заместить отца начальством, он остается тем более недоволен. Он понимает стерильность руководства, которое может ласкать, но не способно обрюхатить (да что такое? перехожу на лексику блондина). Нет, ему нужны интеллигенты (простите за слово), они вообще нужны этой безотцовской стране, какие бы уродливые формы ни принимало ее членовредительское влечение к ним. Распад сознания—да, но это распад российского сознания, это российская безотцовщина, которая выдумывает себе отцов из любых проходимцев, надеясь прислонить себя к идеям и оттого не упасть. Это распад языка, да, но это распад и новая, тычущаяся в поемках склейка этого языка, русского языка—не нравится "прыщик на ляжке любви?" а что, может в газетах, в отделах кадров, в бюро пропаганды, в поганых магазинах у ворующих кассирш и нечистых мясников или в исправительных заведениях, расплодившихся всюду, может там вы слышите поминутно великий и могучий? Увы!—как сказал бы он и как скажу я тоже. Кругом приложены миллионные усилия редакции, власти, конформного сознания, деклассированных и пьяных окраин, чтоб лишить язык жизни, лишить его содержательности, чтоб обратить всю огромную работу любой статьи, речи, разговора в нескончаемую потерю мощности на чистую форму, лишенную какого бы то ни было смысла. Я никогда не читал газет—но мне их и невозможно читать! Лишь держа в голове ежедневную газетную кашу, можно путем вычитания одного из другого набрести на крохи смысла, и это называется: "газету надо уметь

читать." Совершенно лишнее умение! Не проще ли воспользоваться языком?.. Нет, на этом фоне блондин—явление уродское, но все-таки живое. И не надо кривить душой: вряд ли он хуже нас всех. Как выразился некий англосакс, певец плантаций, по сходному поводу: смрад от него в ноздрях у Господа не гуще, чем от прочих смертных (кажется, так). А этот жалкий, настойчивый Фрейд, которым пронизаны записки, столь характерный для нынешнего пролетария умственной службы, слыхавшего о нем в пересказе,—ведь он куда более интересен у нашего блондина, потому что он сам дошел до него! сам его выдумал, вполне кустарно (декораторы книг не читают); и это уже не Фрейд, а он, он сам, наш герой, это его учение, учение его имени (ах, черт! хорошо бы тут снова фамилию, но ведь, право, не знаю, боюсь ошибиться—Петров? Сидоров? Амфитеатров? Петров женат на Ивановой—от этого веет *science fiction*, однако в будущем вижу только это, ничего другого; но нет, в нашем случае были одни только начальные гласные, это я помню хорошо, и бедная моя жена со столь же простой фамилией, как у него, ее-то я конечно не забыл, вы меня не ловите,—и там лишь несчастные орудия гласные инициалов, которым не за что ухватиться, которые судорожно уцепляются, пристраиваясь, за что только можно, но не умеют удержаться возле твердых согласных, а притянув к себе еще пару икающих, акающих, елейных—злая ирония случая!—образуют вообще уже нечто невыносимое, нечто неустойчивое на этой земле, переходящее в отчаянный крик—ОАИИ... ИИОА... ИОИА... ОИАИ... крик, в сущности, страшный, но вполне ослиный) —

Николай Живописец (пусть будет так)

На заборе сидит кот
и глотает кислород.
Оттого-то у народа
не хватает кислорода.

Детская народная песенка

II

БЛОНДИН ОБЕЕГО ЦВЕТА *(ЗАПИСКИ САМОГО БЛОНДИНА)*

1. По-своему

С детства работая любимым сыном своего отца-артиста, был блондин патриотизма, никогда без отклонений, добился к возрасту серого цвета: не выделять себя на фоне населения промыслов. Имя, фамилия соответствует серости, не хочу приводить на странице, кругом иванов. Грубость—вторичный признак полового мужчины, увы, не мог завидовать, слишком нежные чувства. Если был рабочий домино, то легко зачерствел, как вторая горбушка, на службе своего производства; в нашем призвании мастера кисти где же можно достичь! лишь восторг наблюдения рядом. Стриженный наголо ходил три года в школе и еще девять месяцев детства, не помогло. Навсегда застряла нежность грубым сверстникам пола: бьют по твоей голове чем-то большим но тоже мягким; оказалось,

кулак. За девицами с детства никогда не участвовал, мигают в разные стороны глазом призыва, вместо "нет" говорят "может быть," это дико, в юбке короткой кривая коленка, подол длины еще не лучше: подозревает неопрятную грязь. Нет и только нет! Даже свидение детства: атлет физкультуры алой майке почета, нижняя спортивная форма иногда не одета. Продай свой дом, последние штаны бесстыдства бедности, продай насущный хлеб своей матери, но никогда не продавай, даже в крайности, родину—это мой девиз воспитания жизни. Отец артист, еле дышит на ладан, приучал также нас, молодое наследство, труду незаметности: труд сделал из обезьяны советского человека, в том числе декоратор любимой страны. Даже большой человек, про него будет после, не отрицает—конечно, по-своему...

2. Почтовая муза

Я, начиная свою биографию, отец артист внезапно умер, настоящее горе. Искать замену, временная срочность, без отца не могу, развилось чувство, нюхаю отцовский запах, где он появился—бане, трамвае, публичном кафе, хотя не каждого можно представить, другой так быстро ест, на одной сковородке с ним в разведку не пойду, и не чавкает: преждевременное, милое воспоминание моего утраченного родителя. Где теперь взять настоящую грубость? пропал пример отечества смертью отца, и это второе рождение мальчика.

Оставил кисти, уже погруженные в разведенные краски, ездил специально час пик. Ищите—и вам дадут, говорил философ древнего гречества. Автобуса сразу пробирался назад, толпились сменные мужчины возбуждения, вдыхал сильный дух бормотухи, заеденной луком, так называют вино повышения водки, которая теперь не по карману на троих представителей. Женский пассажир на площадку боится, пробирается выше, заслонясь

полусумкой, ни за что не уберечь не только нежных вторичных, дальние первичные могут достать из-под двое трусов, и не скажешь: окружает мужское достоинство силы, труд не унял половины, слесарь завода по научной системе, прокулив целый день туалет, и никогда не заставят: основное преимущество победившей судьбы. Ленин был великий человек, повернул колесо истории вспять в одной (отдельно взятой) стране—труд отныне не нужен, кроме сил руководства, также наибольших представителей творчества: полный зал заседалищ в течение дня.

Где пропускаю предлог, мне простят, обращайтесь внимание, долго привык отправлять телеграмму, кому и зачем, скажу развитием последствий, там нашу краткость оплатит почтовая муза.

3. Глупость

Почему так стремлюсь непременно отец?

Не каждый может понять, только нежная внешность блондина к примеру моей. Хочу навсегда прислониться, пусть мне скажут ответственно: что мне делать собой в этом мире возможностей? Ах, так тяжело начинать лист бумаги, взять к примеру художник: страшно ступить на пустую картонку, такой невинный простор первой точки, потом не сотрешь, в белом пространстве содержится гений любого шедевра, боюсь быть помехой ему на пути: какую сторону начать? куда завести свою линию? старые слушали бога, он им говорил, потом вместо бога реальность, теперь—кругом увы! Бога отменили, реальности нет, каждый тащит к себе, остается один человек, а он что? самодеятельность! Человек это звучит горько, женщины первые полегли перед партией.

Однажды на работе вызвал первый отдел обсуждения кадров, толстый и веселый, неумеренной власти. Сперва, конечно, мало приятно потом огляделся: комната железная, сам человек, в любом глазу кнут и пряник

воздействия. Спрашивал подробно, что читаю в кровати, я рассказал, пришлось скорее придумать: каждому приятен исходящий интерес. Даже спросил, кто мне дал, обещал между нами, видно сильная любовь интересному чтению. Хотел поговорить с ним цель жизни и смерти, но отказал, не ко всем доверяет. На сегодня объяснил, чего нельзя в нашей радостной жизни, а что можно—отложим второго визита. Во второй, правда, тоже не мог объяснить, и вот что подумал: в сторону "нельзя" нам всегда помогает железная комната, за нее большое русское спасибо, без "нельзя" не создать популярный шедевр кистью лучшего волоса; но где другая сторона, это ах! он не знает, сторону "можно" отпущен искать лично сам...

Эти мысли, конечно, никому не скажу не обрушить основы, но искать не могу, нужно помощь примера, то есть утраченная личность отца, хотя артист самой легкой услуги, но не полная глупость.

4. Проходящие мысли ума

Начиная от и кончая до, все говорят: поступки!.. Я человек осторожный и теперь предварительно битый, я знаю: поступки делают видимость жизни, но что они решают? Душа по капле вытекает в поступок, сколько можно из нее нацедить? будешь поступать, остановись, пошарь за пазухой сердца, вот мое правило: там ли она, но окажется нету. Разве что при коммунизме коллективно залепят утечку, тогда поступай как захочешь, от пуза. Но это дальняя заря, коммунизм общий будущий папа, и при коммунизме даже самый последний еврей станет русский.

В праздник революции выпал предварительный снег, трамвай скрипит, не хочет заворачивать в рельсы, серый свет, подаваемый с неба, ветер падает с крыши, подмел мостовую, снова взбирается стенку напротив, флаги довисают последний раздел догорающих суток: красный

флаг и отступя его, синий. Первые годы только красного цвета, то есть крови опасных рабочих теперь добавив синий, оживление вида, ну и конечно отход начальности, на оба вкуса: и верхи пока могут, и низам это нравится, то есть хотят жить по-старому снова. Почему я не вижу пейзаж, кто сказал? Вот, пожалуйста, включение пейзажа в основные проходящие мысли ума.

5. Истории

Не буду рассказывать подробность—долговременный поиск за утраченным отцом... общественный трамвай не годится, слегка касаясь утолщения заднего мускула, в руке бежит мурашка счастья, увы, недолговечно: остановка и проходят исключительно дальше, не всем почему-то приятно. Однажды держал полчаса, получил отклик близости, и что же? оказалась стриженная баба, шофер самосвала, что еще не дает права стать полноценным женщиной, сама по себе, пришлось провожать и до утра не отпустила: любитель больших поцелуев засоса меня.

Утром выходил и заметил картину: у каждой собачки веселой породы имеется верный, надежный хозяин, исключением я.

Очень привлекал уже описанный мужчина отдела, грозная фамилия значения—Лысовол, эта фамилия распространилась везде, где надо нам, бывшим русским, указать и направить, особенно милиция, мастер за стенкой, старшина и сержант, а также народный контроль уголовного обыска. Заметил: каждого тянет к своему руководству, но могут нас неправильно понять, и одно уже точно: мужчины первых отделов сюда не годятся—

Но почему! забегая вперед! опять попался на глаза! в центре улицы города! едва завидев издали! бросился! пуская вперед кулаки! вместо аккуратный толчок между глазами! не жалко бедной личной личности вида, включая темные очки новой моды! но может проходить студент

личных курсов моей декорации! в каком окажусь авторитете! поверженный вниз! пусть пожалеет и свою биографию! не выделяться из себе сограждан! может милиция забрать самого! не глядя что! большой человек живописного мира эпохи! сбивая с ног меня, это даже приятно! учтите, кормилец его личной дочки! пока не поймите, потом объясню! если обоих возьмут, где останется семья?!.. Одно, в чем уверен, поднимаясь с земли: художник художнику глаза не выбьет, живем на дереве культуры, такого еще не описано в бывшей истории.

6. Эпитафия могилы

Никогда не пускался в далекое воспыление ума, живу на реальном асфальте, не даю оторваться, разве исключение мысли о космосе: Космос пишут теперь с большой буквы, это высшая сфера инстанций, перед ней преклоняется партия, я просто член. Все-таки понял, что покину на время свой город привет, раскинулся на все четыре берега Невы, где началось мое детство и творчество: рядом находятся страны прибалтов, это почти приходящая Европа, где совсем другие взгляды на заднее чувство.

Вообще не пойму: для чего запретили? Лица разных народов, в древне-греческом Риме, только этим и жили друг с другом в своих каракаллах, было правило не отказывать никому гражданину, а кто откажет—навсегда признание конюшни, женщина служила лишь для виду античной красотки. Теперь прогресс дальнейшего чувства, большая заявка на счастье—и тут же варварский закон отрицания мужества. Если боятся болезни, отвечу: а необъятный женский организм? а бытовой стакан улицы? еще гораздо хуже. Волка бояться, не суй вообще нос в человеческий лес, он всегда пахнет слишком опасно.

Балтика встретила ласково, и это понятно: специалист своей профессии. Сразу нашелся один, хотя не

местной породы, еврей с украинским наклоном по фамилии Брут, взял под свое оформление и приблизил вечером к общему телу. Увы! Мой вопрос состоит двух неравных половинок, и которая труднее, сказать не могу: хочешь добиться большую личность направления жизни, должен начинать черствый хлеб освоения пола. А что поделать? ведь это не женское пастбище счастья, где каждая ходит с готовым ответом, даже скромный бухгалтер кладовых электричества, не считая артистки, ложатся прямо на виду коридора, правда верхний этаж коммутатора связи, выбирай какую тебе не противно любить, только нельзя ошибаться, где занято место, но и тут предлагается помощь кольца. Нет! наше дело сложнее, ответственный выбор, нас не удержит какой-нибудь прыщик на ляжке любви, зато нам нужен настоящий инженер человечества душ.

Никто не возложил эти годы оказанных мною доверий, большую личность в нашей стране не отыщешь даже днем с фонарем, говорят, что все ушли в относительность физики, но там мне ее никогда не понять: язык высшей формулы! при бедной арифметике лично меня. Долго я тогда шел на жертву, решаясь женщину мужества, с громким голосом замены, но потом не дошел. Искал неуспешно до края республик, думал буду искать до самой смерти, и тут даже вздрогнул...

Вообще не пойму: для чего нужно смерть? Неприятное слово! Простой советский человек, имени пятидесяти лет, без нее жить, конечно, не может, не хватит продолжения продукта, другое дело мы, отдельный представитель выдающейся власти. Будущем, уверен, смерть отменят совсем, для чего тогда надо заниматься наукой? просвещением масс? земледелием, почтой? новопредставленный труп, не успев отдать душу, на корню заберет учреждение органов, возвратят виде тонкий ароматный порошок удобрения клумбы: жизнью жизнь поправ. Вчера хоронил нашу бывшую жену, об этом после, осталось

печальное размышление чувства: эпитафия могилы!..

7. Кушать

Послал! должный рубль! в размере, конечно, две тысячи новых! который собирался предложить, не мог решиться как избегающий вас алкоголик! вполне заслужили полученным счастьем искусства! не имея стыда мог бы выслать и раньше! теперь законных основаниях! отняв любимую жену поддержки! вихри совместные веют над нами! никогда не ценю! декоратору платит родная страна! нам не жалко! рубль принадлежит тому, кто нарисован сзади спинки! нам можно только использовать на взаимную помощь, буду ждать две недели, по истечении принял, тогда пожмем руку счастья, общая жена ушла, взяв остаток, отказаться не должен, не имея средства продолжения кушать—

8. Никто не узнает

Стоит приблизительно и смотрит на меня у магазина, белый лоб его сух, несмотря расположился самый солнцепек; на лице приблизительно давно притупилось чувство бритвы, периферия волос приблизительно подшерсток седины; в глазу отсутствие всякого полового ответа, как будто приблизительно всегда размножается вегетарьянским способом, по примеру приблизительно святая дева красоты; симпатичное лицо, переходящее костюм заграницы, приблизительно грязный; видно, что порядочный старик из него не получится, вечно правая рука держит книжную кипу, а по имени Володя-рваный, хотя сам служитель изучения приблизительно муз—так началось мое счастье, но поймете неверно.

Никогда его не встречу в течение жизни, это просто трубач восходящей судьбы, которая изгнана русской земли за граничность, как блоха существует в повседневном

паху. Продавал триста новых рублей одну книгу подмышки, я немедленно взял, навсегда не жалею: живородящий гений! кость и совесть нашей эпохи! даже фамилия ума—Николай Живописец, а не то что моя... С этой книги начинается цель моей жизни, издана, конечно, где-то там, никогда нельзя тут, хотя автор проживает внутри рубежей, где и пишет выходящие за рамы картины, и вот что значит действительно большой человек: это сходит! А попробую я, навсегда арестуют, могу погибнуть подвалах дворца пионера и школьника, где наверху безостановочный праздник счастливое детство, крик твоей крови никто не узнает.

9. Трудности жизни

Светило солнце, пели птички неизвестной породы, город возле балтики гулял своим проспектом, доходя консерватории, после обратно, кафе и парки открыты, как ноги у девушки, заголяя проходим застенчивый пух, увы, мужчинам это строго запрещается обществом, а жаль, хотел бы видеть такую картину прогулки, остается лишь русская баня совместности, только грязная шайка. лучшие люди не ходят, где их наблюдать? и в течение такой замечательной погоды весны я стоял, листая внезапную книгу картин!

Стало спокойно обширной душе: юноши всех поколений страны могут гулять в своих расширенных штанах современности, кидая друг другу взаимные мирные взгляды искусства: передам эту книгу широкую гласность, путем приспособления приставленных рамок. Гений это не может, тут наша задача, мы подстилка между рамкой и свободой опасности. Немного вставим любую афишу глухих переулков, столб большой дороги, каждый случай милого старого дома, завертку конфет—полностью культурный человек, который участвует до корки повседневность кино и газеты, также кушает

высшие продукты цены, сложит все осколки обратно в своей голове и получит наш случай шедевра опять целый вид, это даже приятней: намек ума! артистизм догадаться!

Так мы заменим нужду нелегальности, после можно гений совсем отменить—как излишество стиля нашей трудности жизни.

10. Мысли последнего раза

Целый год обучал себя ручному таланту, хотя эгоист своего небольшого здоровья, но буквально забывал, питая грудь случайностью: лишь одна немолодая булка магазина. Стал теперь как заново помытый живой воде этой книге, где закалялось мое натяжение кисти, отходя, как металл, скучный верхний идейный оттенок: цвета побежалости в сторону бывшей души, невозможная роскошь! И вот с утра до вечера заката я был весь безотказчик, кисть рисовала сама изможденной руке, каждую картину повторил пятый раз и считал, как будто сам ее придумал в младенческом детстве. Не хочу заблуждать откровенную цель: одну свою жизнь уже всю нарисовал, небогато, надо срочно украсть где-то новую, даже взаймы, этим добиться момента, когда произойдет тебя признание мира, хотя бы скромно наш народ-распорядитель, в окрестности.

Опишу обстоятельность этих картин, временно не буду, потому что талант мой, отчасти увы! на неделю закрыт по болезни после одного особенно удачного удара в ухо мысли последнего раза.

11. Цветная капуста фантастики

Вчера приснился страшный сон ненормальности, проснувшись рассказал своей новой подруге постели, не могла объяснить, что такое означает, испугалась буду-

щее пропитание объединенной судьбы, но считаю не надо, никакого намека, просто изгнанка ежедневности жизни. Сны гляжу виде слов, напечатанных шрифтом машины, наверно привык телеграфную ленту, почему никогда не цветная картинка? мог перевести полотно рано утром, пока не забыл, вечером продать руководству по имени Веников, подарить тесть культуры, даже это отказано мне, а за что? возможно, действительно я виноват, накажите похуже! но никогда не отнимите последние сны у неверной души, это слишком... Ищу обменять этот сон с беллетристом печати, если видит без пользы: на обмен нужна самая цветная капуста фантастики.

С О Н,

точно так, как приснился, препинание знаками не снится
никогда, также снится грубая
ошибка грамматики:

Долгое время я немог выйти из дому я знаю отлично до города котором я прожил долгое время республики слишком долго меня выпустили в город но не одного сомной была скорая помощь была взята из музея наших времен я заплакал как вижу все переменялось тяжело было ходить по городу в котором прожил время шло и я живой покойник был труп который выделили для них и как живая кукла врачи называли эксперимент по химии допотопный кролик взят просто для того чтоб пробы хим порошков испытывать раствор я удивлялся как все изменилось но на второй день меня увезли в городок из одного района с одним кинотеатром был состряпан на скорую руку как попало многое время я долго осваивал атмосферу хотя шел 3221 год но счетчик показывал 1970 год все остальное было в порядке была созда... --сон не дописывал слово—такая атмосфера запах как в наше время я не буду описывать своехождение меня посадили в самолет того времени но тот был изъят из массового производства я

спросил нет четыре штуки 21-го века остались как память отех далеких времен через двадцать минут ябыл в городе где вся атмосфера создана и по конец 1999 года мы бомбили москов ньюс город древнего вымысла я спросил дорого это обошлось декорация он улыбнулся иответил взято из музея все же видим это только сделано дляотводу глаз мужа давайте откроем ему воспоминание меня два года правды один аборт моей причины нечитаю болезнь но он не привык надо втой атмосфере в их время этого небыло ну азамуж она может выйти да в наше время нет загса и регистратуры сама не захочет... (на том оборвалось совсем, без конца)

12. Пластинки

Слушайте все—измененная жена, дочь развешенные ушки, даже местный директор вступления в силу: никогда не дойду до известной сюжет, международный фильм отравы "Моцарт и Солярис," нет! его бессменное здоровье мне дороже пивного ларька современности—я однолюб своей пластинки...

13. Это хочется

Так значит нарисован небольшой человек оголенности, но живет не на облаке, голова в виде легкой колончик склоняется вниз, так значит под левой поверженная красноцветная дама, лежа навсегда поперек возражения и под названием "Групповой портрет с мамой"—мамы, правда, поблизости нет, но ее присутствие веет выходя далеко из-за рамки, и вот что, я думаю, значит: маленький советский человек, как тот карлик в анекдоте по девушке, бегаем по поверхности русской земли, восклицая: ах-ах! да неужели все мое? неужели все мое? -а не делая с девушкой то, что ей надо. Это раз.

Второе: одна киргизка средней азии востока, но я

пропущу, по-моему, готова страстная разрушительный поцелуй, а названия нет. Называю везде лично я, у него относительно хуже, в противном выходе придется не понять, да, ни один средний пахарь народа: никогда не отразил многоцветности дуба, страданье березки, также другие деревья плакучести. А конечно! кто может понять богатство внешней мысли, это слоновая башня искусства: идентифицировать адекватность реакции с имманентность текстуры... прочел одной статье благодарности, никогда не забуду этот шустрый, этот черненький автор жены: ведь я перебрался обратно вторую столицу прописки только при помощи!.. Один искусственный критик высоты своего роста... без него до сих пор прогнивал в кафе полу-Европы, не дальше.

И наконец, этот милый шедевр проповедника краски: "Бедная Мона Лиза" (опять название мое, но всем слишком нравится) —нет, я тут же сразу позвонил через триста озер, срочность немедленной связи восторга, но телефон непрерывного занято, бегут веселые гудки догонки... Так значит рисунок развалины, статуя мужа кнута и пращи, разветвление мышц, в нижней части организма большая мишень (я бы мишень обязательно поставил, неважно, что нет), в лицо добавить кислую мину распада, впередсмотрящие пальцы расширенных рук, так всегда интересней: комический бог Акадэм! Многие критики считают: содержание умное, отвечает последней установке реальности, как должна она быть, в свете последнего развития мертвой материи, но, вторичное увы! не те краски, более нижнего цвета, чем надо, чуть наличие легких оттенков, и все--сразу войдет досконально в число: трижды миллионер советского союза! еще не хватит быть от рожденья советским, надо навсегда доказать, хотя не всем это хочется.

14. Владелец мужчины отказа

Счастливы жить в одно время такие художники, как особенно Кочергин! мастер домысла, кругом щелей лубяная береста, не говоря уже наш замечательный большой человек, холстописец эпохи, о чем не устану повторять каждый день всенародной трибуны ВТО и СХ. А особенно учесть, проступает сквозь них, восходя вместо обычный восток слева запада, замечательное солнце, мировой Сальваторе, имея одну его книгу, заплатил бы не меньше пятьсот рублей новых, можно до смерти ничего не творить: все натворил за тебя, надо только выбрать из его личной книги. Правда, у меня есть другая, выбирая оттуда, только что закончил описать для всех грядущих, прилагаю рисунок.*

Приехал обратно родной Ленинград, вскоре добился неожиданной встречи, день рождения кто-то (по-моему, Веников), наш холстописец пришел с опозданием вкуса, я отчаявшись ждать. Сел к нему ближе, спросил два больших вопроса проверки: как надо работать над собственным творчеством? и есть ли бог? Улыбнулся как школьному возрасту мысли, я слушал чутким недреманным ухом, первый вопрос все же как-то ответил: когда почувствуешь идет изнутри натяжение, под горящую лобную кость, то тогда можно смело начать—не напишешь насиль-

* Рисунки хранятся у меня, но—странное дело!—хотя рисовавший считал, что копирует Н Ж., на самом деле рисунки не имеют ничего общего с этим мастером. Передо мной тщательно, ученически переведенные на бумагу несколько известных сюжетов нашего искусства: "Булыжник—орудие пролетариата," "Ходоки у Ленина," "Утро нашей родины," "Письмо с фронта," "Руки прочь от Кореи," "Перекуем мечи на орала" и т. п. Правда, в некоторых персонажах открыты какие-то дверцы, и в них видать анатомическое устройство прославленных героических организмов. Не знаю, можно ли считать это творческим вкладом? Пока не выясню вопрос, публиковать не решаюсь. —В. М.

но плохое. Дальше выразил грубо, не годится такому таланту, фигурально запомнил: "вдруг замечаешь, словно кто-то ведет твоей мордой по белому грунту холста." У меня никакого натяжения нет, кроме натяжения ветра у себя на лице, буря натиска внешней погоды, вечерняя осень, и во лбу у меня ничего не горит, даже глаз к концу тусклый, никто не водит мне лицо по плакату, все сам! все и всегда исключительно сам... но ведь тоже делаю личное творчество, какое ни на есть? Отсюда вывод: сказал мне неполную правду, не желая наверно мою конкуренцию, это с талантом бывает, ответ уклонился.

Предложил посмотреть вместе публичную книгу Сальваторе, где все уже имеется насквозь, что надо нам, художникам временной стены и бессмертная ткань, но он опять отклонил: боится силу подражания кисти. Конечно, сказал свой восторг и про книгу его, слов не хватило, одно троеточие, скромно ответ промолчал, только напряг во лбу жилу мудрости и как-то возмужал всем лицом, но недолго. Тогда последняя попытка: положил на колено руку дружбы, увы, колено специально подломил, как будто тяжесть моего отношения, чуть не упал гениальные ноги... запомню.

Потом плясал, при моем наблюдении снизу—левая рука!.. нога бьет паркетную кладку!.. улыбается, сверкнув молодые зубы организма!.. музыкальный восторг!.. вдохновение телом!.. выбрасывать пальцы!.. женское участие уже отошло!.. оно не надо! а в бороде блестит оскал цыгана, примешано капля какого-то племя, потом разберусь... хорошо! однако после проявил себя бабник, обнимал коридоре несогласных гостей, даже повторную свежесть хозяйки, ни за что бы не стал, видал случайно по дороге на кухню... тогда, говорят, он был мастер полового налета, не привык соблюдать деликатность, все же верно заметил отмененный кондуктор трамвая: чем в шляпе, тем нахальней... теперь—увы окончания! ослабел

под моим обстоятельством; не может насладиться больше трех полновесные женщины грубо и зримо в течение дня.

И в этот самый последний момент я заметил, что личная супруга его самого смотрит интересом на мое направление, скромный блондин!.. конечно, небольшая дама возраста, без талии фигуры, назовем это девушкой, мне все равно—я теперь несчастный обладатель мужчины отказа!..

15. То же самое место

Теперь, когда наша общая жена искусства... люблю ласкать ее шрам верхней губки, образован при участии его самого, путем падения лампы гостиницы страстный момент окончания. Вставляю глаз этой бедной обобщенной супруги в мое творчество улицы, также руку и нос, по частям остальной организм, кроме мест неприличия, который пришлось изучить снизу доверху, доставляя ей местную ласку мужчины, к которой привыкла... даже лошадь—давал ее черты в виде символа, ухитрился вставить одну постановку ее могильные холмики груди, едва прикрытые чашкой железа, концертная жалость... холмики особенно дороги мне: там захоронена бывшая юность, до конца испитая большим человеком... всегда участвует с нами во время нежной постели—как дух между органов! Грубость кровати себе не могу разрешить, не воспитано детством, но прошу ее всегда рассказать, как он мог: милое воспоминание, для чего и держу... Ах, так много желаю потом рассказать! сейчас не стану... как пробовал ухаживать его первичная дочь, дитя любви остановившегося брака... веселая разросшаяся дева черноты, была бы милый товарищ неотклонности чувств, но конечно с законного срока расцвета, мы не нарушаем кодекс уголовной моральности, в основных его чертах, не считая устаревшие пункты привычки... признался ей общая

школа музыкального детства, разумеется соврал... а все-таки я передал косвенно ему! горячее вещество моего обожания! когда добился период жены, но сама напросилась, я у нее последний из уже любимых раньше... сперва она не знала, простила заранее, пусть я исправлюсь: это привычная болезнь первой ступени любовное место, бывает всегда кто испытал нашу тайну, половой запретный орган заднего мужчины, навсегда поселяется палочка большой эстафеты, неудобство наклонности нашего круга, именно отдал ему как подарок... это и есть представитель вещества моей несчастной любви... эх, а ей подарил застекленную бабочку радуги... мне взамен подарила прибор иностранца, их серебряный рубль, а внутри не простой: врезанная пилка и турецкие ножницы—яркий маникюр всех конечностей меня... нет! об этом потом... ему подсунул деву основной заграницы, принял только на время, потом отказал, обиделся западной привычке отсутствия женской невинности... об этом после!.. очень я надеялся дальнейшие поступки нашей дамы измены, если будет поступать, как начало со мной, то всегда принесет в милый дом со стороны производства дорогой мне аромат вышестоящего мужчины обладания поддержкой... но конечно! все отдаю один единственный трепет его самого!.. о, не упоминайте, это больно: тем же самым концом, то же самое место...

16. На этом свете, товарищ!

Герои хлебного поля Труженики сельских людей
Д В О Е З А Ш Т У Р В А Л О М
(очерки наших лет)

Хлебное поле для Дмитрия Фомича—одно душевное волнение. Греет солнышко, перебирает лучами колоски—радуется сердце. Налетит шквальный ветер да еще с проливным дождем, распотрошит ниву, придавит к земле—

тревожно станет на сердце.

— Ну, что он разошелся именно здесь? Перекрутил все, перевертел, растоптал. — Соскочив с мостика комбайна, Дмитрий Фомич поправляет полеглые хлеба. И приговаривает: — Прибило, и боятся головушки от земли поднять. Колосья — как дети малые — грубости не терпят, нежности хотят.

Посмотрел в сторону: там, среди сплошной нивы, развернулся комбайн и поехал к дальнему краю поля. Хлеба нынче выдались славные...

— Старается человек, — одобрительно произнес Дмитрий Фомич. — Так и норовит отобрать у меня красный флажок...

Задумался... — а что задумался, что задумался! тут задуматься нечего, не дай флажок, не отдай никому, не дай флажок родной маме возраста, будь всегда первый! готов наступить! прочел газете бодрости, откровенная правда за номером 20116 — очень накопилось уже достаточно правды на этом свете, товарищ!

17. Человек незаметности

Хотя большой и невозможный талант, но смело вытеснил его как учитель студентов, на этот счет мои твердые мысли, легче ему и полезнее делу, могу объяснить. Гений кисти вообще ничему не научишь, во-первых, а коллегу декорации обучу только я, исключая армянский элемент самоучек, лучше совсем оставлять без оплаты. Большой человек не может знать наших маленьких хитростей, не говоря уже отсутствие твердости с кадром, другое дело я: даже если дедушка был основатель плаката, занимал предыдущее место, у него все учились, включая и я, но сам ты бездельник большой высоты — будешь навсегда удален моих курсов. Будущий коллега должен быть особой, кусачей породы, не лентясь вполне здоровый эгоизм наступить чужое горло успеха, но только духовный

метод фигуральности, никогда не вступая драку опасного реализма, выходя пандус Невского проспекта кисть и декорация не ждут веселую дылду, а только небольшой, но уплотненный человек незаметности.

18. Тело и кисть

Наконец получил бытовую совместность супруги, а не только случайность в служебном углу или дальняя дача, где она плакала близость возможной измены: пусть теперь готовит для меня его похлебку супа ежедневности, от меня помощь пестика ступки, не больше. Если б не была его многолетняя дама, никогда не привлекал свое хозяйство, полсутки лежит, лень даже вымыть стакан повторения... в туалете все течет, все изменяется, никогда не позаботится вызвать мастера заделки... ужин исключительно только в одном колбасном виде, а это чревато!.. И все-таки она, чем бытовая столовка, не могу обонять кулинарию отвращения: пирожок с копытом, ватрушка начинения несвежее вымя, нет! я вымени ее не знаю и не хочу узнавать в моем возрасте это вымя отравы. Правда, давно не привык много есть, что дает только силу отдачи в сидение стула вместо отдачи работы ума. Когда-то отрезали четверть желудка, но теперь вырос снова до полной длины, даже приняли в партию: туда без нормальности члена нельзя.

Просил привезти фотографии лично его, начиная малыш, отведу полстены, навсегда любоваться!.. Также настаивал забрать его книги под видом имущества, остальной шкаф куплю, декоратор никогда не обижен в валюте, а книги я буду буквально вдыхать, особенно те, где картинки ума... Закрывать глаза и представляешь, как он сидит в глубокое кресло мужской тишины, плед поперек подлежащее место, курит трубку сомнений (хотя он не курит), на плече отдыхает любимый попугай, без словесности (попугая тоже нет, но мне бы хотелось), а он

читает подряд два часа или сколько? сам никогда не читал, кроме устав по программе, не знаю... тут входит я, и что же?—неожиданное действие эффекта на него моей голубой фигуры: плед подымается сам по себе, тихо достигает конусом нижний обрез увлекательной книги... большой указательный палец любви!.. Ах, мечта воображения! насколько легче жить, если б я не был восходящий художник.

Вчера опять одернул взаимную дочку: не допущу в своем доме выбрасывать полностью недоеденный огрызок продукта. Вообще имею твердое правило пищи: после завтрака—чао! никакой лишней жидкости не советовал папа-артист. Наконец добился все, что задумал, сейчас опишу: 1) эпоха всеобщей совместности! 2) город совместности, что было трудно: кругом расцвет прописи нашей личности; 3) студенты совместности продолжения курса! 4) жена, дочь совместности тоже! осталось одно: этот недоступный мужчина совместности... Знаю, что бабник прохожей эротической музыки, не знает куда влить энергию чувства, а не может одолжить мне свой временный мускул, коллеге пожизненной благодарности его таланта, хоть видит: бессмертно люблю его крупное тело и кисть—

19. Безобразности

Опять! выходя с моей службы! несмотря на посланный подарок! сколько можно! бить надо только один первый раз! остальное прощать! все-таки отсутствие! где благородство держателей кисти! не прошли в нашей русской истории отрезок псов-рыцарей! говорят, помогает! ну зачем! это больно! упал за стеклянную дверь магазина! разлетелись очки, невозможно достать такой дымки! чем же я виноват! жена ушла своим ходом, обижайтесь ее! а верней на себя! питаюсь вашей objedкой стола гениальности и всегда благодарен! я не могу сопротивлять себя

искусству! обожая эту бьющую руку, но хватит! на виду нашей взаимной жены, некрасиво! придется унять путем местный директор, многолетний опыт отсидки! грожу кулаком! запираю на крюк! где же люди! уведите его! оттащите его! только не делайте сильную боль—не бейте курочку, сидящую на золотые яйца—он еще пригодится моей личной кисти—также нашей стране, имени бывшая когда-то Россия—что тогда скажут про меня—живем на дереве культуры—как уже сообщал, не всегда это помнят—исключением я, и за это страдаю—главное ударил мою голову бедности, начисто выскочил один эскиз приветствия команды, обратно уже не придумать, сдавать такая же пожарная срочность: должно быть готово, пока не загорается временно мирная жизнь. Нет-нет! пора приниматься за меры: а пусть удалится с высоты слоновой башни запада в нашу советскую жизнь безобразности.

20. Причинив ему что-то...

Увы! осталось рассказать обстоятельство грусти, тихо гасла моей безволосой груди, а подробно не буду. Да, все возможно быть на этом свете, товарищ!.. Нет, не жалею саму по себе, женщина мне не нужна, ты же знаешь, жалею только одно: почему не родил мне сынок продолжения рода, вместо несчастная дочь сироты? Как я любил бы сынок его сходства! разумеется, ласкал его нежный подросток... даже хотел возвратить ему даму для временных родов, потом принять расход, как всегда, на себя, согласен проживать двумя различными детьми его породы... эх, теперь устарело и покрылось золой...

Стою один среди большой дороги нашего искусства что делать. Женщину, мужчину любить не могу... творчество кисти забросил в засохшую краску... даже съедобное счастье навсегда отказало: мученье желудка... пропала моя ненаучная жизнь!.. а ведь я человек, со всем вытекающим оттуда, например, слезы горечи... все кругом

расхватили, как быструю рыбу прилавка, куда?.. живу спиной к своему позвоночнику!.. огромная планета проносится мимо меня... знаю, что наказан за большого него—причинив ему что-то!..

21. Дальнейшая жизнь

Вспоминаю основные проходящие мысли его, излагала жена в наши краткие годы. Учил ее любить совершенно постороннюю личность, хотя это странно, я конечно запомнил, применить не могу. Даже если не веришь единого бога, то носи на грудях верный крест, не мешает. Под самый толстый свитер шерсти шевельнется вдруг хоть что-то живое, например, побежал на автобус, запомнил. Надо не любить недостатки себя—надоело. Каждый день повторяли учебный процесс, сам учитель пресмыкался перед бабой партийности низкого роста. Но недаром большой человек, изложил свои взгляды: не люби недостаток, но не люби его очень спокойно, без лишней тревоги, не смущай свои мысли—конечно, запомнил. Чего не в силах исправить в себе и в других, то сноси, это ясно: я же сносил его милую руку удара мне в глаз. Не ищи также мира покоя, ты рожден для труда, это знаю и сам, но стараюсь избежать: стяжай сердечную свободу, если можешь. Было еще, остальное, увы!.. надо напрячь свою голову, а когда это сумею, сказать не могу... Но главное учил: будет день и будет утро! Вот что нужно запомнить для дальнейшая жизнь.

22. Просвет среди туч безобразия

Хоронили в центре дня... машину подали две минуты вперед, чудо случая... в соседях играют мелодию, полную безоблачной грусти... хотя на улице дождь... на углу торгует пиво свежести, при полное отсутствие очередного хвоста... мороженое улыбается на каждом газоне, первый

раз в конце лета, всегда нарасхват... в городе еще полно деревьев... шли, ступая по водам голубого асфальта... все глядели вверх: жест нетерпения лучшей погоды... сиротливая мать, оставив на время профессию крупорушка... в моей близи... оступалась слабой, страдательной ногой в последнем прижизненном ботике моды... на кладбище перестал сеять дождь... открыл крышку... солнце вышло посмотреть последнее лицо... летала птица раскраски... белое облако гуляло вокруг на прогулке, или дух неизвестности... показало милые фигуры: меховая белая куколка... счастливый невозвратный ребенок небес, переходящий крылатый амур поцелуя... дама, держащая зеркало вида... в зеркале вдруг проступила дыра... в дыру показали прекрасный цветок седьмого цвета, убрали... также слои семислойного неба прозрачности... туда влетел самолет дальнего плавания... впустил струю своей заоблачной тяги... но струя распространилась, истаяла... осталась дыра чистоты... там покрутилось бледное женское личико, дневная луна удаления, но отошла... а потом стало хмуриться: временный просвет среди туч безобразия—

23. Христианин

Послал! последнюю телеграмму! не могу ждать ответа! оставьте младшую дочь на мое попечение! старшей, понял, не надо! завещание общей супруги могилы! так похожая на вас, утешенье моей неслучившейся жизни! ты! зачем нужна вам! лишь помеха! великий русский холстописец пера! ну хотя бы на время! под присмотр смежной бабушки пенсии! пока последняя жива внутри болезни! могу обещать что хотите, даже выйду из членов! родная партия ничем не помогла! только вы! в лице семьи вашей крови! буду любить как не любил свою болезненную маму! воображая себя вашей бывшей супругой! общий плод нашей страсти! как будто рожденный внутри моей бедной утро-

бы кишечности! эта ручка! ножка, покрытая прыщиком детства! коварный глаз! уже умеет читать и писать! рисует любой клочок потребительской бумаги! ни за что не отдам! воспитаю из нее замечательный бумагоизлагатель эпохи! я слов на ветер никогда не бросаешь! убейте! топчите милой ногой на фабричной подошве! все равно! увезу прибалтийские страны! не просите назад! не догоните! деньга тонка! жалуйтесь суд! или полицию! органы! ЦК ООН КПСС! в начале бе слово—теперь устарело—на смену пришла всемогущая буква—СХ—СС—ГБ—ВДНХ—жизнию жизнь поправ—но вы учтите! я, как и все посмертный христианин!

“...восхитить к Себе мой кашляющий ум...”
Иосиф Бродский

III

ПОСЛЕСЛОВИЕ *(НАПИСАННОЕ ОДНАКО ДАЖЕ РАНЬШЕ ВСЕГО)*

Конечно, может показаться любому, будто отдельных таких не бывает людей, в которых выпирало бы одно отдельное свойство, как не может быть человек с выпирающим ухом, ухом, закрывшим всю голову, разростись, как лопух ухом, лежащим на плече и свисающим вдоль по руке до локтя. Точно так же не может быть такой человек, у которого глаз занимает лицо, ходит посреди физиономии, выпуклый, слева направо, быстро вращается, вбирая в себя окружение—во всех цветах и оттенках, во всех незначительных сдвигах. Да, как вы верно заметили, таких людей не бывает, у которых орган восприятия непомерно разросся, чтоб принять в себя то, что он может принять. Но при этом бывают—кто о том не слышал?—люди с усиленно пристальным слухом, люди с пронзительным взглядом бывают—хотя по виду, по уху и глазу, они ничем не отличаются от которого, кажется, усилен тот орган, что чувствует связи мои и людей. Никаких внешних признаков он не имеет, ниоткуда не может незаметно проглянуть, но есть у меня этот орган, как есть он у всех, хотя зачастую у всех очень слаб.

Мне всегда несомненно хотелось, чтобы орган тот виден был у каждого, словно нос или рот, словно ухо, растущее при его голове, в которое можно при отчаянии крикнуть, дунуть можно воздухом в эту улитку, даже

слабому духом можно близко придвинуться к нему и додуть. Или нежный, как глаз, что не терпит в себе посторонних сорин, обволакивает, вымывает их горячей слезою, чтобы снова остаться пронзительно ясным. Да, скорее, как глаз, чтоб потеря его, как потеря заметного зренья, была очевидно к сожалению всем, чтобы было известно, чтобы видеть по палке: кто проходит в толпе, кто садится в трамвай, кто работает, служит, торгует, поет—человек, у которого этого нет.

Возможно, все это не имеет отношения к делу, думаете вы,—да нет, имеет, скоро будет портрет.

Однажды мылся я в бане, в конце, как водится, обливаясь под душем. Душ, поделенный стенками, меж которых вмещался один человек, обливал между тем враз не менее пятерых. Каждый из них, отделенный короткою стенкой, имел два шепшавых коричневых колеса на стене, чтоб крутить их самостоятельно, вызывая на себя из воронки свой дождь. И с некоторой трудностью, но каждый этого добивался, покрутив в обе стороны минут по пятнадцать, добавляя горячей—ясно, слишком горячей, обжигая, возможно, ладони водой, что с парком выбрызгивала при кручении из оси, а затем, если надо, добавлял и холодной, приняв неожиданно в пузо струю, от которой и вздрогнет, от которой зажметя, обругав неисправности в банном устройстве. То есть к тому это все рассказалось, что хотя бы и с мелкими трудностями, коих могло бы не быть, но каждый помывщик в меру сил и терпенья был уверен в настройке воды для себя. Был уверен и я. Но тут я заметил в соседнем закуте человека, который на бешеной скорости мыл себя с мылом. Он с энергией бросался себе под мышки и тер там; он вцеплялся сам себе в волосы и ну таскать их, ну скрести между ними; он сгибался, съезжая мочалкой по гладкому боку, и въезжал, моментально разгибаясь, обратно. Утлый член его плескался о голую ляжку, почему-то навсегда раздетый из своего естественного кожаного носочка. Пена

кипела и плюхалась наземь вокруг такого быстрого и живого характера, направленного перпендикулярно себе самому. Этот характер не вращал свои колеса понемногу, он, крутнув, пускал их вертеться наотмашь, мигом меняя свой душ на обратный, и лишь выскакивал, отдуваясь, когда не мог устоять.

С другой стороны увидел я совсем иного человека. Он задумчиво лил себе теплую воду, все покручивал, покручивал, то вправо, то влево, слушал струю, как бежит по нему. Больше всего он желал над собою стабильности и для стабильности ровно старался. Третий человек, на которого я мог взглянуть, только выйдя из своей конуры, а потом походить рядом с ним и задеть его воду—третий все время менял ее, орудуя краном. Вначале мылся он едва не горячей—он устанавливал прочно ее: после менял ее от теплой к холодной, подержав каждый уровень сколько хотел. Продрогнув для бодрости под совсем ледяною, он проделывал эти ступени назад. Был еще один, который быстро сменился—в общем, конечно, были самые разные, каждый из которых имел свой характер, свои привычки к теплу, свои теории о здоровье и пользе, вполне научные для него самого.

И, вернувшись в свой душ, я заметил, что тот всегда, непрерывно менялся, даже если его и не трогать за свои, отделенные, личные краны. Когда энергичный, крутнув, выпускал, когда стабильный покручивал взад и вперед, когда постепенный менял свой режим, когда они накладывались один на другого, складывались, к примеру, в смысле выпуска теплой или, напротив, в расходе холодной, когда колебались одинаково или не в лад, уравнивая в этом случае один другого в воде, то и у меня все незаметно менялось, утеплялось, расхолаживалось в воронке над моей головой, так что должен был тоже брать свое колесо, долго крутить его, иногда и без пользы, тогда как неожиданно все само возвращалось, как раз в том любимом мною ровном тепле, сквозь которое могут прорваться

по краю прохладные струи, и моет это ровное меня, хотя слегка изменяясь, но не теряя возможность контроля — как вдруг неожиданно хлынет огромное и холодное, обожжет, означая, что где-то всю горячую враз отобрали к себе, тогда как холодную возвратили взамен, нисколько не подумав о соседних помывках.

И увидел я, что через это простое устройство, этот душ над собой, дождь из мокрой воды, чувствую суть и стремления дальних людей, незнакомых соседей, то есть не воду я чувствую, а уже изменения у них, в их мгновенных характерах, в их построениях — то есть душ этот сделанся связью меж нас. Слегка посмеявшись тогда над собой, поиронизировав над сходством слова "душ" и "душа," как и положено человеку современному, который "душа" говорит только в поэтическом смысле, а в смысл поэтический он приучен не верить, я тем не менее душ не забыл — и вот теперь привлекаю его в свою повесть.

Мой нервный брат, так называемый блондин! Многие воды текут через нас, впадая и вновь выпадая на свет — но чуден Днепр при тихой погоде!.. Жили в отдаленном уголке России два обитателя... не то тяжело, что будут недовольный героем... спит ум, может быть обретший бы внезапный родник великих средств... какие цитаты! Увы, втекает, вытекает водой, а насытить не может человек человека... уж если он и останется блондином, так пусть же не от меня об этом узнают, пусть не я выдал его. — Блондин, мой брат! прими себе мою последнюю воду, но чур! будь счастлив, блондин, — или хотя бы будь весел, уж коли иначе тебе невозможно...

В. М.

Ленинград 1973